

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 821.161.1-31:94(470)

DOI 10.52928/2070-1608-2026-78-2-2-5

ОБРАЗЫ ВОЙНЫ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ КНИГЕ
К. ПАУСТОВСКОГО «БЕСПОКОЙНАЯ ЮНОСТЬ»

д-р филол. наук, доц. З.И. ТРЕТЬЯК
(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)
e-mail: zoya.tretyak@rambler.ru

В статье рассмотрены эпизоды из автобиографической книги К. Паустовского «Беспокойная юность», воссоздающие перипетии жизни повествователя на территории современной Беларуси во время Первой мировой войны. Основанные на противопоставлении безвозвратно ушедшего прошлого со своими культурно-историческими императивами и жестокостью современности, системно уничтожающей материальные ценности, аксиологические доминанты и значимость человеческого бытия как такового, данные фрагменты говорят о своеобразном темпоральном разрыве, последствия которого переживаются местным многонациональным населением на глазах у повествователя. Кризисный характер описываемой эпохи заставляет автора переосмыслить образ беженца, показанного не столько как невинного мученика войны, сколько как одного из носителей её деструктивного потенциала.

Ключевые слова: русская литература о Первой мировой войне, автобиографическая проза, литературное краеведение, К. Паустовский.

Введение. Автобиографическая проза, тематически связанная с событиями Первой мировой, воспроизводит колоритный «ландшафт» войны, воссозданный в связи с пережитым художником слова. Непредсказуемый ход боевых действий предопределял перемещения на фронте и в тылу, динамика и внутреннее содержание которых впоследствии находили отражение в литературно-художественных произведениях. В таких случаях территория современной Беларуси, ставшая театром боевых действий, инклюзивно описывается на страницах книг зарубежных писателей. Зачастую подобные произведения либо воспринимались как забытые отголоски «забытой» войны, либо «их можно прочесть и конкретизировать по-новому, раскрыть в них новые смыслы и значения. Они проявятся ярче, если ввести их в широкий исторический и литературный контекст, прибегнуть к локальным и глобальным сопоставлениям» [1, с. 18].

На наш взгляд, тематика и проблематика подобных текстов открывает свой настоящий потенциал только в связи с белорусской художественной литературой и публицистикой о 1914 – 18 гг., так как «без понимания всех культурных, политических, психологических, эмоциональных, духовных, объективных и субъективных составляющих той эпохи» [2, с. 565], без сведений биографического характера либо исторических справок подобные эпизоды воспринимаются как опциональные, содержащие незначительные сведения о Первой мировой войне. Однако, имеющаяся в них информация значительно расширяет представления о ходе локальных боевых действий, повседневной жизни на фронте и в тылу, образе мышления человека, столкнувшегося с непредсказуемой военной реальностью. Авторами фиксируются интересные этнографические факты. Увиденные с позиции представителя другого культурного окружения, они получают новую интерпретацию как читателем-литературоведом, так и любителем. Кроме того, объектом научного анализа могут стать определённые нарративные стратегии либо художественные средства, которые позволили охарактеризовать военную реальность.

Осмысление Первой мировой войны во всём её многообразии занимает одно из центральных мест в книге «Беспокойная юность», входящей в «Повесть о жизни» К. Паустовского. Будущий прозаик в качестве добровольца записался в санитарный отряд, в рядах которого и совершил свою «одиссею» по военным дорогам. Пережитое настолько глубоко врезалось в его память, что в начале 1950-х гг. автор вновь возвращается к тем годам, чтобы «осмыслить не политический, а экзистенциальный и нравственный опыт («сухой остаток») Великой войны» [3, с. 5], увиденный в контексте глобального вооружённого конфликта 1939 – 45 гг.

Основная часть. Описанные в книге «Беспокойная юность» события, связанные с пребыванием повествователя на территории современной Беларуси¹, датируются 1915 – началом 1916 гг. Дневниковые записи и письма К. Паустовского позволяют не только верифицировать биографическую основу книги, но и заметить, как будущий прозаик постепенно вычленил значимые темы и осваивает различные способы изложения материала. Фронтные блокноты автора характеризуются предельной лапидарностью: «Брест. Слухи о долгой стоянке <...> Вечером в кавярню <...> Проводы наших. Австрийские пленные из Перемышля <...> Мой двойник» [4, с. 592]. Упомянутая вскользь встреча с пленным², удивительно похожим на писателя, в книге «Беспокойная юность» становится самостоятельным микросюжетом, в котором собственно автобиографическое на паритетных началах вступает, например,

¹ Отдельные биографические и краеведческие аспекты осмыслены А. Карлюкевичем, например, в статье «Белорусская зима русского писателя (Первая мировая война в творчестве К.Г. Паустовского)». – URL: <https://webkamerton.ru/2010/02/paustovski>.

² Пленных вели через Брест. Тяжело волоча на ногах разбитые ботсы, шли по улицам Бреста тысячи австрийских солдат и офицеров <...>

в диалог с солдатским фольклором, где подобная история присутствует в различных модификациях. Кроме того, последующая беллетризация дневниковых записей, сохранивших память о наиболее значимых событиях, позволила К. Паустовскому переосмыслить отдельные имагологические проблемы, обострённые вооружённым конфликтом. На наш взгляд, данные размышления коррелируют с наблюдениями М. Горьцкого, изложенными в рассказе «Русский». Говоря о сходствах во внешности, социальном статусе либо образе мышления воюющих персонажей-врагов, писатели подчёркивают искусственность природы войны, непринятой обыкновенным человеком, осознающим, что он не испытывает особой враждебности по отношению к людям по другую сторону фронта.

В контексте книги «Беспокойная юность» программным выглядит письмо К. Паустовского С. Высочанскому, написанное в ноябре – декабре 1915 г. Многие изложенные в нём наблюдения нашли своё продолжение в художественном произведении: «Война – это голод, когда по два-три дня люди грызут черствые хлебные корки, это – бесконечные утомительные переходы по непролазной грязи, под дождем, переходы, которые всегда происходят ночью, все колодцы, деревни, избы заражены. Везде холера, сыпной тиф, дизентерия, черная оспа. Все озлоблены. На войне ты не услышишь ни разу простой человеческой речи. Всюду – злая брань и очень часто вместо слов употребляют нагайки. Война – это десятки тысяч беженцев, умирающих от голода и холеры, бесконечные военные обозы. Все дороги, как кладбища. Везде убийства, разбой, поджоги» [6, с. 20]. Перечисленные мрачные образы войны детализируются уже в произведении, становясь не только фактом автобиографическим и документальным, но и литературно-художественным.

Эпизоды, связанные с пребыванием на территории Беларуси, объединяются в концептуальное целое благодаря приёму противопоставления. Прошрое, описанное где-то в идиллическом, а где-то социально-критическом ключе, контрастирует с грубой повседневностью, вызывающей у повествователя чувство отторжения: «Тогда Белоруссия выглядела так, как выглядел бы старинный пейзаж, повешенный в замызганном буфете прифронтовой станции. Следы прошлого были еще видны повсюду, но это была только оболочка, из которой выветрилось содержимое.

Я видел замки польских магнатов <...>, фольварки, еврейские местечки с их живописной теснотой и запущенностью, старые синагоги, готические костелы <...> Видел полосатые верстовые столбы, оставшиеся от николаевских времен. Но уже не было ни прежних магнатов, ни пышной и бесшабашной их жизни, ни покорных им “хлопов”, ни доморощенных раввинов-философов, ни грозных Судных дней в синагогах <...> А сейчас, во время войны, устоявшийся быт, так же, как и эти тусклые воспоминания, стерла до основания война. Она затоптала его, загнала в последние тихие норы, заглушила хриплой руганью и ленивым громом пушек» [5, с. 393–394]. Тем не менее, увиденное и пережитое на войне (даже в самых апокалиптических формах) заставляло думать, что «в бестолочи и военной сумятице явно выступали черты нового переломного времени, и у людей на сердце было тревожно, как перед медленно идущей грозой» [5, с. 394].

Полное неприятие войны, уродующей человеческое бытие, отразилось в эпизодах, связанных с пребыванием на территории Беларуси. Новая реальность вызывала у повествователя приступы меланхолии, когда казалось, что даже силы природы противостоят человеку: «Мы шли по южной части Гродненской губернии, кормили беженцев, отправляли их в тыл, забирали больных и развозили по лазаретам.

Начались обложные дожди. Желтые пенистые лужи рябили на дорогах. Дожди тоже казались желтыми, как лошадиная моча. Шинели не просыхали. От них воняло псиной. Ветер непрерывно гнул кусты вдоль дорог и свистел ветвями, как розгами.

Попутные местечки – Пружаны, Ружаны, Слоним – были обглоданы, как кости, отступающими войсками. В лавчонках ничего не осталось, кроме синьки и столярного клея» [5, с. 365].

К. Паустовский детально остановился на проблеме беженства, знакомой ему «изнутри» благодаря работе в санитарном отряде. Важно отметить предельную концентрацию душевной боли и негативных эмоций, связанных с судьбой переселенцев поневоле. Повествователя, занятого гуманитарной деятельностью, особенно удручали моменты, когда стечение обстоятельств принуждало беженцев забывать о своём моральном облике и правилах общезжития. Так, в Кобрине он наблюдал за душераздирающим зрелищем: «Голодная толпа беженцев рвалась к котлам. Ее сдерживали солдаты. Факелы металась и освещали, казалось, только одни глаза – выпуклые стеклянные глаза людей, ничего не видевшие, кроме открытых дымящихся котлов <...> Мужчины рвали миски друг у друга из рук. Женщины торопливо совали в рот грудным посиневшим детям куски серой распаренной свинины» [5, с. 362]. Свое-

Вдруг санитар Гуго Ляхман схватил меня за руку.

– Смотрите! – крикнул он. – Вон там! Австрийский солдат! Смотрите!

Я взглянул и почувствовал, как озноб прошел по телу. Навстречу мне шел усталым, но мерным шагом я сам, но только я был в форме австрийского солдата <...>

И тут произошло совсем уже странное обстоятельство. Конвоир взглянул на меня, потом посмотрел на австрийца, бросился к нему, дернул за рукав и показал ему на меня.

Австриец взглянул, как будто споткнулся и остановился <...> В темных глазах австрийца я увидел удивление. Потом оно сменилось мгновенным страхом. Он быстро пересилил его и вдруг улыбнулся мне застенчиво и печально и приветственно помахал поднятой бледной рукой <...>

В поезде было много разговоров об этом случае. Все сошлись на том, что этот австрийский солдат был, конечно, украинец. А так как я отчасти был тоже украинцем, то наше поразительное сходство уже не казалось непонятным [5, с. 342–343].

образной кульминацией пребывания в Кобрине становится беседа с местным жителем – Иосифом Шифрином, который эмоционально выражает своё отношение к происходящему: «Я не вижу, кто отомстит за нас! Где человек, что утрет слезы этих нищих и даст матерям молоко, чтобы дети не сосали пустую грудь! Где тот, кто посеет на этой земле хлеб для голодных? Где тот, кто отнимет золото у богатых и раздаст его беднякам? Да будут прокляты до конца земли все, кто пачкает руки человека кровью, кто обворовывает нищих!» [5, с. 363].

Зарисовки беженского быта и рассуждения К. Паустовского о судьбе людей, согнанных с родной земли, на наш взгляд, уточняют ряд наблюдений белорусских писателей: З. Бядули («Набліжэнне»), М. Горецкого («Літоўскі хутарок», «На імперыялістычнай вайне», отрывки из романа «Віленскія камунары»), Т. Гартного («Сокі цаліны»), Я. Коласа («Туды, на Нёман»). Стоит отметить, что в отличие от отечественных авторов, изображавших персонажей-беженцев преимущественно как невинных мучеников войны, которые не могут осознанно сотворить зло, К. Паустовский, скорее, далёк от их идеализации. Данный факт свидетельствовал о желании писателя, пережившего Великую Отечественную войну, показать своеобразную ретроспективу процесса дегуманизации, характеризовавшего первую половину XX столетия.

Рассуждения о дегуманизации заставили повествователя рассказать и об эпидемии чёрной оспы, пережитой в безымянной деревне на пути в Барановичи, куда санитарный отряд попал по чистой случайности. В телеграфно-натуралистической манере он сообщал: «Мы ходили по хатам, впрыскивали морфий, поили умирающих водой и с безмолвным отчаянием следили, как заболели те немногие, которым болезнь дала отсрочку.

Трупы мы стаскивали в столоды. Врач из летучки приказал сжигать эти столоды. Каждый раз он распоряжался этим делом сам и очень при этом оживлялся.

Санитары обкладывали столоды соломой и поджигали. Загорались они медленно, но горели жарко, распространяя тяжелый дым.

Стодол пропах карболкой. Наши руки были сожжены карболкой до того, что их нельзя было помыть. От воды они невыносимо болели» [5, с. 381]. По мнению повествователя, судьбы будь то белорусских крестьян, беженцев либо медицинских работников перекликались, т.к. война делала их чрезвычайно уязвимыми перед лицом боевых действий, где всё чаще использовались средства массового поражения, господствовали голод и эпидемии. Кроме того, бедствия войны прерывали естественный процесс коммуникации представителей разных поколений, что не позволяло полноценно передать информацию о прошлом. В таком случае значимые для определённого этноса предметы материальной культуры, традиции, верования, ценностные ориентации становились описанной выше оболочкой, лишённой смыслов.

Ностальгия о прошлом, рождавшаяся в сердцах рядовых жителей белорусских местечек и деревень, заставляла их идеализировать ушедший в небытие образ жизни. Так, корчмарь, у которого повествователь остановился на пути в Несвиж, с грустью говорил: «Теперь жизнь не жизнь! <...> Вот бы приехали вы до нас в мирное время. Каждый день имел свой порядок и свое удовольствие. Я открою утречком рано корчму, подъезжают на фурах добрые люди – кто на базар, а кто на мельницу. Я их всех знаю кругом на пятьдесят верст. Заходят до корчмы и кушают и пьют – кто чай, а кто горилку <...> И идет хороший разговор. Про цены, про урожай и помол, про картошку и сено. И я знаю еще про что! Про все на свете. Тихое время для души <...> Все пошло в помол, вся наша жизнь» [5, с. 389]. Подобные мотивы звучат и в прозе Т. Гартного («Сокі цаліны»), М. Мелешки («Шэпты»), М. Лынькова («На чырвоных лядах»).

Стоит отметить, что в книге «Беспокойная юность» «белорусские» эпизоды, посвящённые войне, повествуют не только о концептуально значимых философских, аксиологических, морально-этических проблемах, рождённых глобальным вооружённым конфликтом. Автор переходит на уровень подобных обобщений, опираясь исключительно на истории, носящие частный характер (полный трагизма рассказ о смертях, вызванных оспой, воспоминания о принятых под открытым небом родах, эпизод случайной гибели мальчика-беженца, попавшего в толпу голодных переселенцев). Подобные фрагменты воспринимаются читателем практически как самостоятельные произведения, создающие идейно-тематическую комплементарную систему.

Заключение. Книга «Беспокойная юность» К. Паустовского воспринимается как значимый литературно-художественный источник, позволяющий расширить представления о Первой мировой войне, которая прокатилась и по территории современной Беларуси. Авторская концепция предполагает создание такого повествовательного единства, где бы слились эпизоды из жизни повествователя и его рассуждения на морально-этические темы, ставшие предельно актуальными в связи с тотальной десакрализацией человеческой жизни. Говоря о бытии белорусских деревень, городов и местечек, К. Паустовский прибегает к приёму противопоставления, т.к. и повествователь, и эпизодические персонажи обращают внимание на радикальные трансформации повседневности, которая перестала видиться в контексте прошлого. Ощущение своеобразного «темпорального разрыва» усиливалось, в связи с наблюдением за ландшафтом и обликом населённых пунктов с их архитектурными доминантами: осквернённые войной, они перестали ассоциироваться с историей белорусского народа, богатой на события и выдающиеся персоналии. Кроме того, осознание аксиологического кризиса обострялось в связи со столкновением местного населения с бесчисленными волнами беженцев, предъявляющими иную картину мира. Показательно, что автор не желает идеализировать человека, познавшего ужасы войны, говоря о нём исключительно как о жертве обстоятельств либо мученике. Боевые действия, по наблюдениям К. Паустовского, высвобождают деструктивные силы, делающие его персонажей глухими к доводам рассудка и морально-этическим ценностям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будагова Л. К литературоведческой рефлексии Первой мировой войны // Первая мировая война в литературах и культуре западных и южных славян. – М.: Институт славяноведения РАН, 2004. – С. 14–22.
2. Красников Г. «Внимая ужасам войны» // Первая мировая война в русской литературе. Антология. – М.: ООО «Издательский дом «Вече», 2014. – С. 558–576.
3. Будагова Л., Доронина Р. От редколлегии // Первая мировая война в литературах и культуре западных и южных славян. – М.: Институт славяноведения РАН, 2004. – С. 3–5.
4. Паустовский К. Страницы из дневников 1914 – 1919 гг. // Повесть о жизни. В 2 т. – Т. 1. – М.: Современный писатель, 1993. – С. 592–617.
5. Паустовский К. Беспокойная юность // Повесть о жизни. Кн. 1–6. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. – С. 249–472.
6. Паустовский К. Письма. 1915 – 1968 // Собрание сочинений. В 9 т. – Т. 9. – М.: Худ. лит., 1986. – 542 с.

Поступила 07.10.2025

IMAGES OF WAR IN K. PAUSTOVSKY'S AUTOBIOGRAPHICAL BOOK 'RESTLESS YOUTH'

Z. TRATSIAK

(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

This article examines some episodes from K. Paustovsky's autobiographical book, 'Restless Youth', which recreate the narrator's life in the present-day Belarusian territories during the First World War. Based on the juxtaposition of a bygone past, with its cultural and historical imperatives, and a brutal modernity that systematically destroys material values, axiological dominants, and the significance of human existence as such, these fragments speak of a peculiar temporal rupture, the consequences of which are experienced by the local multinational population before the narrator's very eyes. The crisis-ridden nature of the era under consideration compels the author to rethink the image of a refugee, portrayed not so much as an innocent martyr of war, but as one of the bearers of its destructive potential.

Keywords: *Russian literature about the First World War, autobiographical prose, literary local history, K. Paustovsky.*